

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2018.3.3

**ДИНАМИКА ЗНАНИЯ
О НАСИЛИИ: ВОЕННЫЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ***

**THE DYNAMICS
OF KNOWLEDGE ABOUT
VIOLENCE: MILITARY AND
SOCIO-CULTURAL ASPECTS**

Кравченко Сергей Александрович

Доктор философских наук, профессор,
Московский государственный институт
международных отношений
(университет)

Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
главный научный сотрудник
Института социологии
ФНИСЦ РАН,
г. Москва,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Sergey A. Kravchenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Moscow State Institute of International
Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Main Researcher, Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Science,
Moscow,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Подберезкин Алексей Иванович

Доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
директор Центра военно-политических
исследований МГИМО – Концерна ВКО
«Алмаз-Антей»,
г. Москва,
e-mail: sociol7@yandex.ru

Alexey I. Padbyarozkin

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Head of the Center for Military and Political
Studies of the MGIMO - Concern
of “Almaz-Antey”,
Moscow,
e-mail: sociol7@yandex.ru

* Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10411.

В статье показывается, что характер насилия изменяется ускоряющимися темпами. Оно обретает все более сложное содержание, соответственно, современное противостояние на международной арене реализуется не только военными, но и невоенными, социокультурными средствами. Конкретно анализируются изменения в концепциях стратегического сдерживания, применяемых как на Западе, так и в нашей стране. Их суть в том, что военные и невоенные стратегические средства используются системно и комплексно. Особо раскрывается роль идеологии и ценностей как невоенных средств, способствующих, однако, реализации политических интересов страны. Делается вывод о том, что успехи внешнеполитической деятельности России будут определяться наличием и эффективным применением самых различных невоенных силовых средств в будущем.

The article shows that the nature of violence is changing at an accelerating rate. It acquires more and more complex content, accordingly, modern confrontation in the international arena is realized not only by military, but also by non-military, socio-cultural means. Specifically, the changes in the concepts of strategic deterrence, applied both in the West and in our country, are analyzed. Their essence lies in the fact that military and non-military strategic means are used systematically and comprehensively. The role of ideology and values, as non-military means, contributing, however, to the realization of the country's political interests, is particularly disclosed. It is concluded that the success of Russia's foreign policy activities will be determined by the availability and effective use of a variety of non-military power assets in the future.

Ключевые слова: политическая социология; насилие; война; военный конфликт; военная сила; стратегическое сдерживание; невоенная силовая политика.

Keywords: political sociology; violence; war; military conflict; military force; strategic deterrence; non-military power policy.

Введение

Содержание насилия *исторически и культурно обусловлено* (Энгельс, 1961). В современном мире насилие осуществляется *комплексно* как военными, так и невоенными, социокультурными и символическими средствами. Возможность осознать и спрогнозировать развитие тенденций насилия в контексте динамики усложняющегося знания о них, подверженного эффектам «стрелы времени» (Кравченко, 2014. С. 110–124), становится важным условием проведения Россией эффективной внешней и военной политики.

Отмеченные тенденции получили рельефное выражение в характере концепции *стратегического сдерживания*, стремительно меняющегося от привычной политики ядерного сдерживания к более широкому пониманию военного сдерживания и далее – наметившейся устойчивой тенденции к политике силового сдерживания.

В современной трактовке стратегическое сдерживание – политика, обеспечивающая защиту национальных интересов на любом уровне

противостояния или противоборства¹, становится всё более и более обеспеченной не только военными, но и *невоенными, социокультурными средствами, включая характер научного знания* (Кравченко, 2015. С. 22–30). Более того, в целом ряде аспектов силовой политики собственно военная сила может лишь облегчать решение международных задач. Прежнее простое восприятие военной силы как инструмента политики, а сдерживания как исключительно ядерного сдерживания в последние десятилетия сменилось на *сложный синтез*, сочетающий, как правило, системное и одновременное использование *всех форм* силовой политики.

Динамичное знание о стратегическом сдерживании получает развитие и в других странах. Так, в США инновационная концепция сдерживания изложена Д. Трампом в его Стратегии национальной безопасности США, опубликованной 18 декабря 2017 г. и конкретизированной в Военной стратегии США и Обзоре ядерной стратегии, ставших публичным достоянием, соответственно, в январе-феврале 2018 г. В стратегии определены четыре «жизненно важных национальных интереса». Это, по мнению Д. Трампа:

- 1) защита страны, американского народа и американского образа жизни;
- 2) развитие американского благосостояния;
- 3) сохранение мира посредством силы;
- 4) расширение американского влияния.

При этом в стратегии обозначены главные вызовы и тенденции, влияющие на положение США в мире, среди которых:

- ревизионистские державы, такие как Китай и Россия, которые используют технологии, пропаганду и принуждение в целях формирования мира, несовместимого с американскими интересами и ценностями;
- региональные диктаторы, сеющие террор, угрожающие своим соседям и создающие оружие массового уничтожения;
- террористы из джихадистских организаций, разжигающие ненависть, подстрекающие к насилию против ни в чем не повинных людей во имя извращенной идеологии, а также транснациональные преступные организации, которые распространяют наркотики и сеют насилие в нашем обществе (Summary of the 2018 National Defense ... , 2018. P. 2).

Как правило, военные и невоенные стратегические средства используются системно и совместно, комплексно. Даже в тех случаях, ко-

¹ Это представление формально утвердилось после принятия современной редакции Стратегии национальной безопасности 31 декабря 2015 г., но отнюдь не закреплено в политическом и военном сознании правящей элиты.

гда происходит применение только невоенных силовых средств: их эффективность обеспечивается стратегическими военными силами в открытой или скрытой форме (угрозы их применения). Так, торгово-экономические санкции против Кубы в начале 60-х гг. прошлого века обеспечивали ВМС и ВВС США, а сегодня экономический шантаж и санкции против России поддерживает весь механизм военного и невоенного насилия.

Вторая половина XX в. была во многом обеспечена отсутствием глобальной войны именно из-за существования возможности стратегического сдерживания посредством *ядерного устрашения*, которое вплоть до недавнего времени не ставилось под сомнение и рассматривалось не только как стратегическое равновесие, но и по сути как военно-стратегическое равенство (Подберёзкин, 2017). Политический суверенитет СССР и России в настоящее время в конечном счете, как известно, гарантирован возможностями РФ нанести ядерный удар по территории США и их союзников. Эта возможность ответного удара в течение нескольких послевоенных десятилетий обеспечивала стратегическое равновесие и гарантировала нашей стране практически полную самостоятельность при принятии важнейших политических решений. Причем при защите не только собственной территории, но и интересов своих союзников за рубежом (Подберёзкин, 2017).

Однако к началу XXI в. эта ситуация, от которой долгие годы пытались избавиться США, создавая качественно новые системы стратегических наступательных вооружений, была поставлена под сомнение. Это означает, что под вопрос ставится все военно-стратегическое равновесие. Такие же сомнения могут возникать и в политическом плане, что несет вызовы самому существованию суверенитета и независимой политики. Эрозия этих представлений к концу второго десятилетия достигла такого уровня, что на суверенитет России в целом ряде областей, прежде всего политике, экономике, финансах, стало оказываться давление с помощью невоенных инструментов силового принуждения (The National Military Strategy ... , 2015. P. 1).

Более того, во втором десятилетии стало ясно, что против вызовов со стороны Запада ядерное оружие, включая стратегическое, бесполезно, а его ценность стремительно падает. Соответственно и трансформируется знание о стратегическом сдерживании, которое в XXI в. приобретает более широкое содержание как способность того или иного государства *эффективно управлять своими силовыми компонентами и средствами политики в условиях кризиса*. Подчеркнем, силовые невоенные средства принуждения в политике Запада вытесняют вооружен-

ные средства борьбы, но, естественно, не отменяя, а совершенствуя их качество и применение. В XXI в., таким образом, утверждается политика, в которой роль собственно военных сил и средств сводится постепенно к обеспечению эффективного применения *невоенных силовых средств* политики принуждения (Подберёзкин, 2017. С. 249–674). И наоборот: стратегическое сдерживание в XXI в. становится тем эффективнее, чем большим набором средств и способов их применения обладает то или иное государство. Иными словами, в традиционной силовой политике в XXI в. (а она – подчеркнем – остается в любом случае силовой, т.е. не замененной ни на «правовую», ни на «моральную», ни на какую-либо ещё) *произошли качественные изменения*, в результате которых основными средствами принуждения становятся *силовые, но не военные средства*, а собственно военные постепенно превращаются во вспомогательные инструменты политики, обеспечивающие эффективность использования первых. Ведущее место заняли невоенные инструменты насилия, прежде всего экономические, информационные и когнитивные, с помощью которых Запад планирует окончательно приспособить международные отношения в своих интересах. Как говорится в официальных документах США, «...контроль над эскалацией становится более трудным и более важным...» (The National Military Strategy ... , 2015. P. 1).

Однако постепенно стало ясно, что только этих невоенных инструментов уже не хватает. Прежде всего потому, что новые центры силы (КНР, Индия, Бразилия, Индонезия и др.), а также не захотевшая самоликвидироваться Россия начинают активно противоборствовать силовой политике Запада, отстаивая *свои интересы*. Для России таким часом икс стал конфликт в Южной Осетии, а до этого – на Северном Кавказе, где именно позиция федерального центра и его «решимость» использовать военную силу встретили самую негативную оценку в кругах правящих в то время в стране либералов, развязавших информационную войну против федеральных сил на Кавказе.

К 2007–2008 гг. стало ясно, что Россия сохранит и будет использовать силовые и несиловые инструменты для целей государственного суверенитета. Поэтому Запад вернулся к своему «естественному» ресурсу: там, где США и союзникам стало труднее добиваться своих целей экономическими и иными средствами, вновь была подключена функция политической угрозы военной силой. Отражение этих изменений нашлось в нормативных документах, принятых в России по вопросам безопасности во втором десятилетии новой эры, например в Стратегии национальной безопасности (Указ Президента РФ ... , 2015).

Это обстоятельство достаточно быстро изменило военно-политическую обстановку в мире. Для России это означает, что в обозримом будущем она столкнется не только с усилением собственно военных угроз, но и с развитием невоенных угроз, вытекающих из эскалации силовой политики Запада. Такие угрозы обладают двумя очень важными параметрами.

Во-первых, они значительно дешевле, чем военные угрозы, – ни одна информационная, экономическая или финансовая акция не идет ни в какое сравнение по своей стоимости, например, с экспедицией Вооруженных сил США, которую те осуществили во Вьетнам или Ирак.

Во-вторых, эти действия гораздо менее рискованны для функционирования сложных систем, уязвимых по своей сущности (Кравченко, 2016). Если применение оружия рассматривается как неоспоримый факт войны, то использование дезинформации, кибератак оставляет возможность для деэскалации насилия.

С точки зрения военно-политического развития России, невоенные инструменты насилия могут быть опаснее, чем военные, по простой причине: отставание нашей страны в темпах развития от противников неизбежно меняет дальнейшее соотношение сил не в её пользу. Приходится также учитывать сущность и характер современных войн, которые ведутся без объявления войны и без применения больших масс вооруженных сил (Попов, 2014. С. 659–666).

Можно коротко свести эти направления силовой невоенной политики, отражающие особенности современного стратегического нападения, к следующим двум основным направлениям:

Первая группа связана с применением силы прежде всего по отношению к системе национальных ценностей и интересов и к правящей элите и её отдельным представителям.

Характер военно-политического противоборства в XXI в. существенно, качественно изменился: основными объектами силового воздействия стали уже не политика и её цели, а система ценностей и конкретные представители правящей элиты объекта, на который оказывается силовое воздействие. Так, силовое (невоенное) воздействие, которое оказывалось США на Украину в 80–90-е и более поздние годы, заключалось не столько в оказании влияния на её политику, сколько на фундаментальные изменения системы ценностей и приход к власти прозападной и русофобской правящей элиты (The National Military Strategy ... , 2015. P. 12). Соответственно, средства противодействия такой политики со стороны России должны были быть направлены против такой политики прежде всего в области национальной системы

ценностей и правящей элиты украинской элиты, чего сколько-нибудь эффективно не делалось – не поддерживалась ни пророссийская элита, ни институты, ни единая с Россией система ценностей (Gompert, 2016. P. 5–10).

Вторая стратегическая цель – правящая элита противоборствующего государства, которую можно подчинить своей воле и заставить отказаться как от системы национальных ценностей, так и защиты национальных интересов. В конце 80-х – 90-е гг. было видно, как правящая элита СССР и России откровенно игнорировала систему национальных интересов России.

Вторая группа – расширяющийся спектр новых средств и способов силового принуждения, которые становятся единым коалиционным ресурсом Запада и с определенной степенью условности можно обозначить следующим образом:

– *экономические санкции и технологические ограничения*, которые обеспечивают важнейшие условия для военно-технического превосходства, а также создают экономические и финансовые трудности в странах-противниках. При этом важно подчеркнуть, что эти меры эффективны только *после* того, как оппоненту удается навязать изначально неправильную модель социально-экономического развития. Как это удалось сделать в свое время по отношению к СССР и России, навязав им макроэкономическую модель «всеобъемлющего рыночного развития», что привело к деградации экономики. В определенном смысле такое внешнее вмешательство Запада было направлено на устранение конкурента. Вина правящей российской элиты в том, что она не хотела и не смогла ему сопротивляться.

Противодействие этому внешнему влиянию должно происходить на ценностном уровне, а также на уровне цивилизационных и национальных интересов, а не отдельных действий и угроз. Россия, как оказалось, была ввергнута в управленческий, политический и экономический хаос. Одним из последствий этого стало увеличивающееся отставание, а другим – уязвимость для экономических и технологических средств политики принуждения, лечение от которых происходит в алгоритме избавления от импортозависимости, хотя главная импортозависимость у нас сохранилась в политико-идеологической области (Подберёзкин, 2017а. С. 249–273).

В этой связи интересно мнение одного из ведущих специалистов из центра «Сколково» по этому вопросу П. Биленко, который отмечает следующее. Сегодня мир стоит на пороге нового технологического уклада, стартовала цифровая трансформация и российской экономики.

Как и 100 лет назад, Россия стоит перед выбором алгоритма развития – модернизационно-мобилизационного или инерционно-стагнационного, который будет определять её будущее на десятилетия вперед. Прежде всего, необходимо говорить о реанимации машиностроения, росте производительности труда и быстрой трансформации экономики в более эффективную: реальный сектор и машиностроение – это основа основ, именно здесь сосредоточены критические узлы всей экономической системы. Мы много работаем глобально и видим, что в мире за последние пять лет затраты на старт и развитие новых технологических проектов существенно снизились. «А все эти красивые слова – “инфраструктурные организации”, “субъекты рынка”, “институциональные условия” – это фантомы. Особенно это понятно, если вы оглядитесь по сторонам на центральных улицах наших городов. Какие институциональные условия, если в центральных городах на улицах у нас рестораны, а в Сан-Хосе, не первом городе Калифорнии, – техшопы, детские образовательные центры и интерактивные музеи? Да, подобные пространства в России есть, но их немного – инновационный центр “Сколково”, “Иннополис” в Татарстане, инфраструктура технологического предпринимательства на Дальнем Востоке. И они в определенной степени закрыты. То, что представляет собой пространство для развития за рубежом, у нас пока больше похоже на резервацию. Все дело в доступности. В Сан-Хосе вы можете увидеть площадку для развития (техшоп) в центре города, она открыта до полуночи, и здесь рады видеть всех: например, рядом с программистами увлеченно работают сварщики, которые тут же мастерят прототипы будущих продуктов. У нас, чтобы просто въехать в фонд “Сколково” и технопарк на автомобиле, надо заранее заказать пропуск. Строили экосистему, получилась резервация. Так не работают развитие новых компаний, трансформация идей в революционные продукты. И это, по-моему, очевидный, но, к сожалению, пока не разделяемый на практике создателями программ, повесток и лозунгов факт» (Биленко, 2017).

Эти меры предпринимались Западом по отношению к Кубе, СССР, Ирану, Ливии и целому ряду других государств еще в XX в., но в новой стратегии силового принуждения они носят тотальный и глобальный характер, когда в противоборство вовлекаются все члены западной военно-политической коалиции (более 60 государств), а также к ним принуждаются другие страны.

Главная цель всего комплекса таких силовых средств и мер, используемых в политике силового принуждения, – разрушение не только экономики, но и самого государства и общества, принуждение его пра-

вящей элиты к капитуляции. Они могут быть систематизированы следующим образом:

– *меры давления на представителей правящей элиты противника*, которые можно назвать средствами политико-экономического шантажа и принуждения. Их комплекс применялся западной коалицией неоднократно, но именно в XX в. он стал системным и сетевым (нацеленный на отдельных, конкретных представителей, а не только на какие-то социальные группы).

Более того, после демонстративного уничтожения лидеров противоборствующих сторон (Чаушеску, Каддафи, Хусейн, Наджибулла и др.), а также изобретения Международного трибунала фактически была создана правовая основа для легального шантажа и уничтожения других лидеров и представителей правящих элит, которые могут показаться руководителям западного блока целями политики силового принуждения. Принятый Конгрессом в августе 2017 г. закон предполагает усиленное и долгосрочное давление на правящую российскую элиту до тех пор, пока она не капитулирует и не примет американские условия для политического курса России;

– *меры сетевого социального силового давления на общество и правящую элиту*, включающие широкий набор средств и способов принуждения, создаваемых со второй половины XX в. в виде разного рода СМИ, НКО и международных организаций. Пример с Украиной в этой связи выглядит очень показательным – там в течение трех десятилетий формировались антисоветские и антироссийские организации, которые быстро трансформировались в националистические, экстремистские и даже фашистские общественные организации и партии;

– *силовые меры по снижению темпов и уровня социально-экономического развития противника*, которые предполагают внедрение вредных – неэффективных и нередко откровенно диверсионных – схем управления. Это касается и лиц, ориентированных на развал государства и экономики, которых внедряли в правящую элиту страны, как это было в СССР, когда «иностранные консультанты» управляли целыми министерствами, как на Украине, где такие же советники управляют СБУ;

– *средства и меры, разрушающие системы национальных ценностей и самоидентификацию*. Комплекс этих мер и средств следует отнести к числу наиболее приоритетных невоенных средств ведения силового противоборства. С поправкой на их невысокую оперативность при исключительно значимой стратегической эффективности: одновременно оказывается влияние на сотни и тысячи объектов. Л. Савин, например, таким образом описывает «роевое применение» средств со-

временного насилия: «Представьте себе, что вы в лесу потревожили осиное гнездо. Рой разъяренных ос вылетает, чтобы жалить своего обидчика во все места, до которых они могут добраться. Каковы будут ваши действия? Очевидно – убежать как можно быстрее. А как будет убежать государство со своей территории? При применении такой аллегории это будет выражаться в смене институтов власти» (Савин, 2017).

Когда разрушается система национальной самоидентификации, людьми можно манипулировать через их ценности и интересы посредством определенных техник, устанавливая выгодное для внешних сил и ложное с точки зрения национальных интересов целеполагание. Именно так формировалось общественное мнение со второй половины 80-х гг. в СССР, когда главным манипулятором, искажавшим систему ценностей, выступил орган, многие годы отвечавший в стране за формирование национального и классового сознания, – отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС во главе с А.Н. Яковлевым. В результате было создано альтернативное общественное мнение, поддерживаемое властью, враждебное самому существованию СССР как государства.

При этом у разных групп могут быть разные цели, но в конечном счете все будет складываться в одну картину. Имея разные отряды под общим управлением, заказчик может ввергнуть страну в хаос, как уже неоднократно повторялось. Именно такой неуправляемый хаос утвердился в СССР, который к августу 1991 г. превратился в нефункциональное государство. Возможность сопротивления таким организациям и сетям, продвигающим ложную систему ценностей, зависит как от умения властей распознавать угрозы на этапе их зарождения, так и от способности создавать и активно использовать свои организации и свои контрсети для баланса через не прямые действия. В СССР в августе 1991 г. у власти были и организации, и сети, но не было решительности и воли их использовать против оппонентов. Прежде всего потому, что была деформирована базовая система национальных ценностей, подорвана уверенность в её значении для нации и государства;

– *демографические, биополитические* (Кравченко, 2015. С. 139–152) *и иные меры, предполагающие депопуляцию и деградацию нации, особенно качество национального человеческого капитала.* К числу таким мер относится прежде всего ложная социально-экономическая позиция правящих кругов, которая может быть сформулирована и навязана извне. Не секрет, что на Западе существует немало концепций, книг и организаций, которые своей прямой задачей поставили максимально громко «сформулировать озабоченность» перенаселением планеты и грядущим демографическим коллапсом, угрожающим-де самоуничто-

жением. Эти организации и фонды, в том числе на правительственном уровне, всячески стимулируют активность разного рода сил, которая вела бы к свертыванию демографических программ и сокращению численности населения.

Ярким примером этих действий стала деятельность российского правительства в 90-е гг., которая привела к демографической катастрофе, из которой правительство В. Путина пытается как-то выбраться сегодня, принимая меры по стимулированию рождаемости и сокращению смертности. Надо признать, что для некоторых регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые богаты природными ресурсами и крайне ограничены демографическим потенциалом, подобная неолиберальная биополитика привела к депопуляции целых районов, которую не удастся преодолеть и сегодня. К числу таких мер следует отнести многочисленные меры, навязываемые извне и иногда поддерживаемые внутри России, по распространению *вредных продуктов, не-еды* (еда, лишенная специфического социального и культурного контекста), что создает риски и уязвимости питания россиян (Кравченко, 2015а; Савин, 2017. С. 185–258).

Особенно важно для национальной безопасности вернуть лидерство России в производстве национального человеческого капитала. Возникшие в этой сфере проблемы прямо сказываются на кадровом потенциале правящей элиты, которая по своим профессиональным и нравственным качествам не соответствует потребностям России сегодня, на что обращал внимание в своих майских указах МИД и МЭР В.В. Путин (Указ Президента РФ ... , 2012);

– *средства информационного и когнитивного воздействия на общество и его институты*. Исключительно важное значение приобретает силовая борьба с Россией в когнитивной области, смысл которой сводится к навязыванию *примитивно-линейного мышления, потребительских симулякров*, способствующих превращению общества в неорганизованную массу и в конечном счете в неуправляемую толпу, лишенную здравого смысла и национальных ориентиров, руководимую чужими интересами и ценностями. Здесь огромная роль принадлежит *идеологии* как системе упорядоченных взглядов и знания на основные цели и средства развития общества, экономики и государства (Кравченко, 2014б. С. 448–450), которая выполняет – о чем нередко забывают – функцию системного политического, социально-экономического и даже военного управления (Подберёзкин, 2011). Примечательно в этой связи то, что официальная Военная доктрина России «представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к

вооруженной защите и защиту Российской Федерации» (Указ Президента РФ ... , 2014).

Развал СССР начался с развернутой сознательно масштабной работы по уничтожению идеологии правящей элиты (деидеологизация идеологии) и развалу государства и его институтов (борьба с этатизмом), которая достаточно быстро привела к становлению «нормальной аномии» («Нормальная аномия» ... , 2017). Идеино-ценностный вакуум быстро заполнялся чем угодно – от сеансов «лечения» Кашпировского до «свободорыночных универсальных идеологем» западных неолибералов, естественно, сопровождавшихся дисфункциями и развалом институтов государства – сначала КГБ и Министерства обороны, а затем и всех экономических и социальных органов управления («Нормальная аномия» ... , 2017. С. 249–333).

Произошел, по существу, добровольный отказ от идеологического лидерства, в том числе и в мире, которое долгие годы объединяло многие страны и движения, превратившееся в жалкую политико-идеологическую компиляцию прагматических и меркантильных западных неолиберальных идей. То, что последовало за этим, – отказ от многих атрибутов политического суверенитета, одностороннее разоружение, развал ОПК и т.д. – другая сторона медали, но она является прямым следствием политики невоенного насилия в виде деидеологизации.

В этой связи обращает на себя внимание упорно продвигаемая практика внедрения в российскую систему высшего образования рейтинга университетов, в котором все первые десятки мест заранее прописаны для английских, американских и швейцарских университетов, а критерии отбора подобраны соответствующим образом. Получается, что российский ученый, например, в области безопасности должен соответствовать требованиям... американских научным журналов.

Нельзя не вспомнить о влиянии различного рода «экспертных» медиа, прямо «мягко» влияющих на политические процессы и принятие решений в области экономики. Такие издания, как Forbes и Bloomberg, регулярно издают свои рейтинги и аналитику, которая ложится в основу научных и политических выводов. При этом мало кто интересуется качеством и достоверностью информации, даже в тех случаях, когда она вызывает сомнение. В данном случае ситуация выглядит типично коммерческой – кто заплатит за рекламу и заказную статью, того и будут воспевать «эксперты» по экономике и инвестициям данных изданий. Но приоритет всегда будет за местом производства контента – США, которые обладают подавляющим превосходством в СМИ, оцененным в свое время Б. Обамой как 95 % мирового потенциала (Gompert, 2016. P. 5–10).

Подобная перспектива неизбежно ставит вопрос о возможности эффективного не только военного, но и *невоенного противодействия* со стороны России, т.е. в конечном счете о сохранении суверенитета и национальной идентичности в будущем. Такая постановка вопроса требует как минимум вернуться к вопросу о существующих возможностях невоенного сдерживания и обороны России и поиске способов их увеличения в области информатики и СМИ, а также в стратегии их использования, которая в случае со СМИ (как показал опыт работы «России сегодня») может быть очень эффективной.

Причем неизбежен вопрос о необходимости обладания не только средствами обороны и сдерживания и умением их использовать, но и средствами и способами проведения активных операций: только защищаясь, противоборства не выиграешь. Сама по себе постановка вопроса о силах и средствах сдерживания публично ставит и вопрос о способах их использования, в частности для отстаивания наших интересов.

Не являются исключением и действия в военной области в ответ на финансово-экономическую агрессию США.

За последние 40 лет мы сменили несколько стратегий и даже идеологических доктрин. Как минимум можно условно их обозначить следующим образом:

- стратегия идеологической и политико-психологической войны СССР против Запада;
- период романтизации не только отношений с Западом, но и отношения к «свободным» СМИ;
- период рыночных отношений, когда СМИ используются в интересах инвестора;
- наконец, период Путина, когда СМИ возвращаются обществу и государству со всеми плюсами и минусами этого процесса в отношениях с Западом.

Сегодня неизбежна постановка вопроса о будущей информационной политике России в условиях обострения внешнеполитической обстановки, которая может быть, на наш взгляд, либо мобилизационно ориентированной, либо прозападной. При этом очень важно, чтобы СМИ и содержательная экспертиза были ориентированы не только на силовую борьбу, но и на продвижение собственной повестки дня, собственной идеологии и собственной стратегии. В этом смысле правы авторы стратегического прогноза ИМЭМО РАН, полагающие, что «...России важно в максимальной степени задействовать фактор “умной силы”, использовав его ... продвижения собственной повестки ... раз-

работки новой архитектуры будущего миропорядка» (Мир 2035, 2017. С. 50).

При этом очень важно не только обладать существенными когнитивными и идеологическими преимуществами, но и уметь быстро их перевести в реальные инструменты влияния – в смежной области использования силовых средств и методов – военной и невоенной (социокультурной и гуманитарной) области, а также в других областях противоборства, даже таких «невинных», как социальные сети. Так, эффективность «России сегодня» в США и ряде других стран привела к прямым ограничениям деятельности российских СМИ в этих странах. Особенно яркий пример – информационное противоборство на Украине, которое имеет, с точки зрения действующей власти, приоритетный характер не только в законодательной деятельности и работе исполнительной власти, но и в районах АТО, где наиболее важными целями считаются ретрансляционные вышки, радиостанции и отдельные журналисты.

Чрезвычайно важную роль стали играть сетевые СМИ в Интернете, которые превратились в инструменты не только пропаганды, но и организационно-политического влияния. В особенности для негосударственных акторов и крупных сетей, а также отдельных политических лидеров, создавших на их основе частные СМИ, успешно конкурирующие с крупными компаниями.

Кому-то все это может показаться низким уровнем, недостойным политики и дипломатии. Однако известно, например, что лидеры присутствия в социальных сетях – Д. Трамп и папа римский – по сути формируют политическую повестку дня, а отдельные особенности работы в социальных сетях стали предметом самого пристального политического внимания в США и Великобритании в 2017 г. Так, «русский троллинг» в Британии стал настолько известным, что отдельный материал этому явлению посвятила даже солидная Financial Times. Можно привести в качестве иллюстрации следующий пример: «Когда Тереза Мэй обвинила ЕС во вмешательстве во всеобщие выборы в Великобритании, посольство России в Лондоне невозмутимо заявило в Twitter: “Слава богу, на этот раз – не Россия”. После того как сообщение набрало 9,7 тыс. ретвитов и 12 тыс. лайков, даже некоторые ярые критики России в социальной сети признали (подобно тому, как футбольные фанаты неохотно аплодируют голу, забитому нападающим из команды соперника), что это был “эпический троллинг”». Автор этого материала Бакли констатирует: «За прошедший год аккаунт российского посольства Russian Embassy опередил по популярности сайты американского и из-

раильского посольств и стал наиболее посещаемой из страниц дипломатических миссий в Лондоне».

Таким образом, невоенных силовых инструментов влияния государств и негосударственных акторов вполне достаточно, чтобы обеспечить достижение политических целей без прямого военного вмешательства и рисков, неизбежно связанных с такими действиями, а также огромных материальных затрат. Так, война США в Ираке, по некоторым оценкам, стоила порядка 1000 млрд долл., тысяч смертей и до сих пор скрывааемых материальных потерь при сомнительной политической эффективности. Некоторые эксперты считают, что подобные затраты могли бы быстрее и надежнее обеспечить интересы США без военных и репутационных потерь (Подберёзкин, 2017а. С. 249–255).

Другой пример успеха американской внешней политики – вмешательство США в дела на Украине. Там им удалось многого добиться за 25–30 лет, создавая проамериканские и антироссийские институты, которые пришли к власти в 2014 г., сформировав по сути антироссийский фронт в Европе. Затратив на эти процессы несколько больше 5 млрд долл. и не вмешиваясь непосредственно, США и их союзникам удалось создать широкий антироссийский фронт, запустив процесс конфронтации на новый уровень. Всего этого удалось добиться без прямого использования военной силы, огромных издержек и материальных и человеческих потерь.

Есть все основания полагать, что конкретные позитивные результаты российской внешнеполитической деятельности (как они понимаются сегодня) (Указ Президента РФ ... , 2012) будут определяться наличием и эффективным применением самых различных невоенных силовых средств в будущем.

Литература

Биленко П. Цифровая экономика – как успеть? Режим доступа: www.csr.ru.

Кравченко С.А. Новые риск еды: необходимость гуманистической биополитики // Политические исследования. 2014. № 5.

Кравченко С.А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования, 2015а. № 1.

Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М. : МГИМО-Университет, 2016.

Кравченко С.А. Социология. Т. 1 : Клас-

References

Bilenko P. (2017). Digital economy - how to manage? Available at: www.csr.ru

Kravchenko S.A. (2014). New food risk: the need for humanistic biopolitics. *Politicheskije issledovaniya*. No. 5.

Kravchenko S.A. (2015a). Social and Cultural Dynamics of Food: Acquisition and Vulnerability. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No 1.

Kravchenko S.A. (2016). Sociological diagnostics of risks, vulnerabilities, trust. Moscow: MGIMO-University.

Kravchenko S.A. (2014b). Sociology.

сические теории через призму социологического воображения : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2014б.

Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2014а. № 1.

Кравченко С.А., Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования. 2015. № 10.

Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А.А. Дынкина. М. : Магистр, 2017.

«Нормальная аномия» в России и современном мире. М. : МГИМО-Университет, 2017.

Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. 3 : Идеология русского социализма. М.: МГИМО-Университет, 2011.

Подберёзкин А.И. Основные особенности обеспечения безопасности современной России // Современная военная политика России. М. : МГИМО-Университет, 2017а. Т. 2.

Подберёзкин А.И. Современная военная политика России. М. : МГИМО-Университет. 2017. Т. 1.

Попов И.М. О долгосрочных характеристиках войн и вооруженных конфликтов // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполеца. М. : МГИМО-Университет, 2014.

Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

Указ Президента РФ «О Военной доктрине Российской Федерации» № 815 от 26.12.2014 г.

Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» № 605 от 7 мая 2012 г.

Савин Л. Где в следующий раз ударит Запад почти всегда можно просчитать. Режим доступа: www.stoletie.ru.

Социология питания: традиции и трансформации / под общ. ред. Н.Н. Зарубиной, С.А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2017.

Vol. 1. Classical theories through the prism of sociological imagination. Textbook for academic baccalaureate. M.: Yurayt.

Kravchenko S.A. (2014a). The arrow of time: modern challenges to sociological knowledge. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. No. 1.

Kravchenko S.A., Salygin V.I. (2015). A new synthesis of scientific knowledge: the formation of interdisciplinary science. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 10.

World 2035. Global forecast (2017) / A.A. Dynkin (Ed.). M.: Magistr.

"Normal anomie" in Russia and the modern world (2017). Moscow: MGIMO-University.

Podberozkin A.I. (2011). National human capital. T. 3. *The ideology of Russian socialism*. Moscow: MGIMO-University.

Podberozkin A.I. (2017a). The main features of ensuring the security of modern Russia. T. 2. *Modern military policy of Russia*. Moscow: MGIMO-Universitet.

Podberozkin A.I. (2017). Modern military policy of Russia. T. 1. Moscow: MGIMO-Universitet.

Popov I.M. (2014). On the long-term characteristics of wars and armed conflicts. *Some aspects of the analysis of the military-political situation*. In A.I. Podberozkin, K.P. Borispolets (Eds.). Moscow: MGIMO-Universitet.

Decree of the President of the Russian Federation "On the National Security Strategy of the Russian Federation" No. 683 of December 31, 2015.

Decree of the President of the Russian Federation "On the Military Doctrine of the Russian Federation" No. 815 of December 26, 2014.

Decree of the President of the Russian Federation "On measures to implement the foreign policy course of the Russian Federation" No. 605 of May 7, 2012.

Savin L. (2017). Where next time you hit the West you can almost always calculate. Available at: www.stoletie.ru.

Sociology of Nutrition: Traditions and Transformations (2017). In N.N. Zarubina, S.A. Kravchenko (Eds.). Moscow: MGIMO-Universitet.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории. М. : Государственное изд-во политической литературы, 1961. Т. 21.

Gompert D., Binnendijk H. The Power to Coerce. Cal., RAND, 2016.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., 2018. Jan 18.

The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash., 2015.

Engels F. (1961). The role of violence in history. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. Vol. 21.

Gompert D., Binnendijk H. (2016). The Power to Coerce. Cal., RAND.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., 2018, 18 Jan.

The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash.

Поступила в редакцию

19 апреля 2018 г.